Клязьмы: «Здесь под ветвистым кустом читал я Фенелона или милого русского путешественника».[69]

Частые эпиграфы, цитаты, реминисценции из Карамзина — свидетельство не только эпигонства, но и самой широкой популярности карамзинских сочинений.

Ф. Н. Глинка красноречиво рассказывал, каким событием для русских читателей было знакомство со сборником Карамзина «Мои безделки»: «В раннем детстве моем, как запомню себя, в смиренном околотке нашем, Смоленской губернии, близ г. Духовницы, мало читали и, кроме книг духовного содержания, почти не имели других, — ... Вдруг появились у нас в доме „Мои безделки". Нам прислали эту книгу из Москвы, и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросились к книге и погрузились в нее: читали, читали, перечитывали и, наконец, почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лепестках. Так сталось, думаю, и везде с первыми опытами Карамзина».[70] В. Г. Белинский справедливо отмечал как одну из важнейших заслуг Карамзина то, что он «умел заохотить русскую публику к чтению русских книг». «Он создал русскую публику, которой до него не было: под публикою мы разумеем известный круг читателей».[71]

«Читающий» герой, введенный литературой сентиментализма, так же как и реальный читатель, «чувствительный человек», получили возможность расширить круг своего чтения за счет произведений отечественных авторов, прежде всего Карамзина.

Однако процесс переоценки ценностей интенсивно продолжался и в жизни, и в литературе. Даже почитатели карамзинских сочинений ощущали некоторую опасность в чрезмерном увлечении их чтением. Интереснейшее свидетельство в этом отношении представляет собой письмо П. А. Словцова 1795 г. из Петербурга, обращенное к одному из его друзей. «В отраду твоему скорбному, стесненному сердцу, — писал Словцов, — я посылаю тебе, любезный друг, одну часть „Аглаи" Карамзина <...> Подобного рода чтениям не предавайтесь со всем занятием, а довольно будет, если будете уделять для них меланхолические минуты вашей жизни. — Также, когда принимаетесь изливать на бумагу ваши чувствия, не старайтесь слишком подделываться ко вкусу Карамзина. Уже и так здесь много появилось подражателей, но должно заметить, что не всякое перо может писать чернилами Карамзина».[72]

Предостережение Словцова оказалось пророческим: многочисленные подражатели Карамзина способствовали уже не столько развитию, сколько опошлению читательского вкуса. Неудивительно, что и «читающий» герой стал переориентироваться, ме-

---

[69] *А. Э. [Эмин].* Милые нежные сердца. Российское сочинение. М., 1800, с. 7.

[70] *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866, ч. I, с. 216—217.

[71] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 139.

[72] **ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 197, л. 24 об.**